

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Ч. АЙТМАТОВА
КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА**

Диссертационный совет Д. 10.16.525

**На правах рукописи
УДК: 398.2 (= 951) (51) (043.3)**

ИсмаеваРахимаМухамеевна

**ДУНГАНСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ:
историография, содержание и структура**

10.01.09 – Фольклористика

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Бишкек – 2017

**Работа выполнена в Центре дунгановедения и китаистики
Института истории и культурного наследия НАН Кыргызской
Республики**

Научный руководитель: доктор филологических наук
Шисыр Исхар Сувазович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Кобыратбаев Т.А.

кандидат филологических наук,
доцент Бакиров А.А.

Ведущая организация: Кыргызский Государственный университет
им.И.Арабаева, кафедра кыргызской литературы.

Адрес: 720026, г. Бишкек, ул.Т.Саманчина, 10 а

Защита диссертации состоится «18» октября 2017 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 10.16.525 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора (кандидата) филологических наук при Институте языка и литературы им. Ч. Т. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики и Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына. Адрес: 720071, г. Бишкек, проспект Манаса, 101, ауд. 218.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Национальной академии наук Кыргызской Республики по адресу: г. Бишкек, проспект Чуй, 254 а.

Автореферат разослан « 14» сентября 2017 г.

**Ученый секретарь
Диссертационного совета**

кандидат филологических наук

Ыйсаева Н.Т.

Общая характеристика работы

Материалом для изучения служат сюжеты, собранные фольклористами нескольких поколений, как включенные в специальные тематические сборники, журналы и газеты, так и хранящиеся в рукописных фондах Института языка и литературы им. Ч. Айтматова и Центра дунгановедения и китаистики НАН Кыргызской Республики, а также полевые записи исполнителя диссертации. В процессе изучения было собрано и проанализировано более 90 единиц фактического материала, 72 из которых приведены в тексте диссертации.

Актуальность темы исследования. Кыргызская культура, мы имеем в виду духовное наследие всех народов страны (кыргызов, русских, узбеков, дунган, уйгуров, украинцев, турков и др), считается общим богатством Кыргызской Республики. Такое понимание единой культуры всех народов Кыргызстана в известной мере является приоритетной задачей государственной идеологии. Настоящее положение, что весьма примечательно, отмечено в знаменитых заповедях Благородного Манаса.

В этом контексте изучение духовной культуры каждого отдельного народа Кыргызстана, не смотря на свою коэффициентную численность, имеет актуальное значение. Соответственно, являясь отдельным звеном в общей культурной системе, она приумножает духовное богатство общей Родины. По силе своей возможности вносит в общую кыргызскую культуру своеобразный национальный элемент в духовном отражении окружающей действительности.

В дунганской духовной культуре огромное значение придают народному устному творчеству. Характеристика дунганской духовной культуры в целом была бы неполной, обедненной и усеченной, если исключить фольклор, поскольку в нем отражено своеобразие исторической судьбы, психологии, быта данной этнической группы. Дунганский фольклор в процессе исторической эволюции постепенно обрёл общую внутреннюю целостность, устойчивость и наглядность основных дифференцирующих этнических признаков народа, вместе с тем имеет общие черты с фольклором народов Центральной Азии.

В дунганском устном народном творчестве доминирующее положение занимают волшебные сказки. По этой простой причине темой нашего научного исследования в диссертации мы взяли как раз волшебные сказки. Сказочники в своем репертуаре неизменно предпочитают включать в большом количестве волшебные сказки. Неожиданные, занимательные, фантастические содержания популярных текстов всегда привлекали внимание слушателей самых разных возрастов. Не случайно в процессе подготовки сюжетов для анализа мы зафиксировали большое количество текстов именно из этого популярного жанра. Соответственно без конкретного представления о волшебных сказках практически нельзя понять в целостности дунганский фольклор.

Цель научного исследования. В диссертации мы намерены рассмотреть дунганские волшебные сказки Центральной Азии с точки зрения современной передовой методологии. Главным образом предполагается конкретизировать историю, содержание и структуру этого замечательного вида прозаического фольклора как исторически сложившуюся художественную систему, в которой все произведения находятся в сложном взаимодействии, взаимовлиянии и взаимообогащении. В этом случае существующая связь обуславливается единой для всех произведений системой многостороннего воспроизведения действительности. В результате функции отдельных сюжетов определяются таким образом, что каждое произведение имеет свою задачу в изображении предмета живой действительности.

Задачи исследования. Правильное понимание единой художественной системы содержания и структуры настоящего прозаического жанра фольклора требует определения специфики каждой сюжетно-тематической группы. Без определения этих самостоятельных образований невозможно представить себе сложный процесс разграничения, сближения и взаимодействия в волшебных сказках. Такое понимание природы жанра невольно подводит к определению следующих конкретных задач в изучении дунганских волшебных сказок:

- выявление истории возникновения, формирования и развития волшебных сказок, без которых трудно представить понятие о единой художественной системе в повествовательно-эстетическом жанре;

- установление общего и частного в содержаниях дунганских волшебных сказок на основании историко-типологического, историко-генетического и историко-культурного сходства;

- определение специфики дунганских волшебных сказок, выразившейся в сюжетном репертуаре, трактовке отдельных образов, социальной остроте изображения живой действительности, использовании изобразительных выразительных средств и т.д.;

- систематизация, дифференциация и конкретизация общего содержания дунганских волшебных сказок, в которых независимо от дидактического, патриотического, патетического и т.д. характера повествования приоритет имеет общая доминантная функция эстетического значения;

- определение структурного строения волшебной сказки, благодаря существующим элементарным составным единицам (“повествовательным атомам”), без которых содержание изучаемого материала становится хаотичным, аморфным и безжизненным продуктом человеческого сознания;

- установление места изучаемой волшебной сказки Центральной Азии как отдельной ветви единого ствола дунганского словесного народного творчества КНР, Индонезии, Малайзии и других стран, которая как частное в общем позволяет глубже понять национальный фольклор.

Методология научного исследования обусловлена самой логикой анализа поставленных проблем. В процессе изучения использована методика комплексно-системного, сопоставительно-типологического и сравнительно-исторического подходов в изучении собранных материалов. Соответственно учтены полезные труды многих фольклористов: дальнего зарубежья А. Аарне, А. Греймаса, Ли Шуцзяня, Ст. Томпсона, В. Эберхарда; ближнего зарубежья Н.П. Андреева, А.Н. Веселовского, Вирсаладзе Е.Б., Д.С. Лихачева, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, Б.Л. Рифтина, Г.У. Эргиса; центральноазиатских М.О. Ауэзова, С.А. Каскабасова, Р.З. Кыдырбаевой, С.М. Мусаева, Е.Д. Турсунова, Г.А. Джалалова, К.М. Максетова, И.С. Шисыра и др.

Научная новизна результатов. В диссертации впервые в комплексно-системном, сопоставительно-типологическом и сравнительно-историческом контексте анализируются сюжеты дунганских волшебных сказок Центральной Азии. Диссертантом выявлены исторические, генетические, содержательные, структурные, тематические, сюжетные доминанты изучаемого жанра национального фольклора. Соответственно анализ дунганских волшебных сказок с учетом опыта ведущих специалистов мировой фольклористики только закладывает серьезный научный фундамент для дальнейшего изучения многих актуальных проблем дунганского фольклора.

Теоретическая значимость работы. Исследуемые в диссертации волшебные сказки, несмотря на свое развитие в течение долгого времени на территории современной Центральной Азии, все-таки считаются составной частью фольклорного фонда всех дунган-хуэйцзу, живущих во многих сопредельных странах (КНР, Индонезии, Малайзии, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана). По этой известной причине результаты нашего исследования предоставляют уникальную теоретическую возможность уяснить не только сопоставительную специфику волшебных сказок отдельных групп данного этноса, но также в целом всей национальной культуры.

Практическая значимость работы. Результаты нашего исследования важны в том числе с практической стороны для общей фольклористики хуэйцзу-дунган КНР, Индонезии, Малайзии, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Узбекистан и других стран. Они естественно, во-первых, содействуют унификации материалов в фольклорных архивах, во-вторых, способствуют выработке единых принципов при классификации существующих произведений, в-третьих, помогают в систематизации свода фольклора в энциклопедиях, тематических изданиях, учебниках, учебных пособиях, атласах.

Положения, выносимые на защиту:

1. дунганские волшебные сказки Центральной Азии обладают достаточно выраженным своеобразием, что обусловлено своим возникновением в процессе трансформации фольклорного наследия многих

народов (арабов, персов, тюрков), которые приняли участие в консолидации хуэйцзу-дунган как самостоятельного этноса под главенствующим влиянием исламской религии;

2. в дунганских волшебных сказках Центральной Азии есть много общего с сопредельными фольклорными традициями народов Северо-Западного Китая (китайцев, монголов, уйгуров, казахов, кыргызов, саларов, дауров), что вызвано сходством исторических, социально-экономических и культурных факторов проживания в одном регионе на протяжении многих веков;

3. дунганские волшебные сказки Центральной Азии в основе остаются составной частью народной словесной художественной традиции всех хуэйцзу-дунган, так как общая внутренняя целостность, устойчивость, стабильность дифференцирующих этнических признаков у любого этноса остается неизменной на протяжении долгого исторического периода;

4. дунганские волшебные сказки Центральной Азии считаются отдельной веткой единого ствола народного словесного творчества хуэйцзу-дунган КНР, Индонезии, Малайзии, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Узбекистан и других стран, которая как частное в общем помогает глубже понять национальный фольклор;

5. дунганские волшебные сказки Центральной Азии, рожденные, окрепшие и развитые в необычных условиях в Китае, пополняют фольклорную художественную систему народов Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана жанровыми своеобразиями, неординарными образами, оригинальными сюжетами, нестандартными изобразительными средствами и т.д.

Личный вклад соискателя. Участия в программах Центра дунгановедения и китаистики по сбору материалов дунганского фольклора в селениях Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, СУАР и НХАР КНР (2007–2010 гг).

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на международных конференциях: «Фольклор дунган Центральной Азии» (Ослобский университет, Норвегия, сентябрь 2014), «V Международный форум дунгановедов» (Бишкек, НАН КР, май 2016), «Фольклор как средство сохранения культурного наследия» (Сиань, Шэньсийский Педагогический университет, КНР, сентябрь 2016), Межвузовская преподавательско-студенческая конференция «Перевод – мост между культурами» (КНУ, февраль 2017). Материалы и результаты диссертации обсуждались на заседаниях Центра дунгановедения и китаистики Института истории культурного наследия НАН КР. Диссертация была обсуждена на расширенном заседании кафедры кыргызского языка КНУ им.Ж. Баласагына.

По материалам исследования опубликовано 10 статей.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников. Объем работы составляет 169 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** исследования обоснована актуальность существующей проблемы, выявлена степень изученности волшебной сказки дунган Центральной Азии, конкретизированы цель и задачи настоящего изучения, обозначены теоретическая и практическая значимость работы, определены методологические основы диссертации, уточнены основные положения работы, охарактеризована научная новизна изыскания.

В **первой** главе **“Волшебные сказки в дунганском повествовательно-эстетическом фольклоре (историография)”** освещены истории бытования, собирания и изучения дунганских волшебных сказок Центральной Азии. Правильное представление об этапах развития фольклористики позволит приступить к обоснованию по изучению содержания и структуры дунганских волшебных сказок. Без ясного представления об этих знаниях не может быть серьезной речи о научном исследовании вообще устного народного творчества. Бытование, собирание и изучение самих материалов фольклора всегда представляли взаимосвязанные, взаимозависимые и взаимовлияющие составные части фольклористики.

По этой причине в первом разделе мы ставим перед собой конкретные практические задачи. Необходимо дать нужные сведения об известных сказочниках, собирателях и фольклористах, которые послужили хранителями бесценного богатства духовного наследия народа. Они передали огромное количество коллективной художественной информации о самых различных этапах развития исторического прошлого народа новому поколению. В этом отношении сказочники, собиратели и фольклористы являются настоящими носителями устной народной традиции, творцами словесного творчества и передатчиками коллективной памяти во времени.

1.1 В первом разделе **“Генезис, формирование и развитие”** предложена информация об эволюции дунганской волшебной сказки Центральной Азии.

Зарождение, формирование и развитие настоящего национального прозаического фольклора связаны с фактом возникновения этноса хуэйцзу. В действительности народы (арабы, тюрки, китайцы), которые принимали участия в процессе сложения дунган, передали консолидировавшемуся новому этносу часть своего фольклорного наследия. В дальнейшем развитии нового этноса, полученное когда-то культурное наследие стало основным источником формирования национального фольклора. По этой причине в сюжетах дунганской волшебной сказки обычно можно обнаружить значительные пласты из художественного мировоззрения арабов, тюрков, китайцев и некоторых других народов.

Главным образом, дунганские волшебные сказки, благодаря постоянной шлифовке в устах сказочников многих поколений, дошли до наших дней замечательными созданиями коллективного творчества. Они обрели на долгом творческом пути естественную художественную ценность. Соответственно, волшебные сказки дунган отличаются также глубоким идейным свойством, высокими эстетическими достоинствами, структурным своеобразием и широкими стилевыми возможностями. В оригинальных сюжетах отражены национальная особенность, история, борьба, стремления, вера, надежда, художественная одаренность дунганского народа.

1.2 Во втором разделе **“Бытование в народной среде”** исследование связано с сохранением дунганской волшебной сказки в Центральной Азии. На новой родине дунгане сделали все возможное, чтобы сохранить для народа свое самое главное сокровище, которое обязаны передать подрастающему поколению. Народное словесное творчество на протяжении многих веков всегда считалось коллективной летописной сокровищницей, из которой дунгане постоянно черпали самые необходимые духовные силы. Фольклор в данном случае заменял неписаную книгу жизни, морали, воспитания, и он по праву считается своеобразным зеркалом времени, так как в нем сконцентрировался сгусток энергетики этноса. Не случайно этот неиссякаемый источник духовной энергии в закодированном виде сохраняет коллективную память этноса.

Сказочники из поколения в поколение передавали некогда привезенные из земли предков сокровенные знания, чтобы донести до потомков в качестве самого ценного достояния народа. В результате замечательная традиция сказочников донесла до современного дунганского поколения Центральной Азии созданное веками духовное богатство народа. И это главное национальное богатство наряду с современными духовными ценностями общего человечества способствует воспитанию очередного поколения этнической группы. Дунгане до сегодняшнего дня хранят в памяти имена замечательных сказочников-шошуди (Вуджинью М., Губезов Г., Гуйлин Ч., Джапаров Н., Дунларова Я., Завазов И., Кадыров М., Лебуза Л., Мавлинов И., Машинхаева Х., Нюсан А., Цзинлиров С., Чжоншонло Ч. и др.) О мастерстве многих из них даже сегодня можно услышать в разных дунганских селах Центральной Азии.

1.3 В третьем разделе **“Накопление текстов”** рассматривается процесс фиксации, систематизации и публикации сюжетов сказочного эпоса. История накопления живого материала, как показывает историческая практика фольклористики, важнейший этап в процессе изучения устного художественного наследия этноса. На самом деле текстовые предпосылки, то есть сами фольклорные материалы, являются самым главным звеном в фольклористике. Естественно, без хорошо организованной истории сбора, систематизации и публикации трудно получить полное представление об изучаемом фольклоре.

Историю сбора, систематизации и публикации текстов дунганской волшебной сказки можно условно разделить на три периода, которая непосредственно связана с естественным процессом развития национальной фольклористики. Это до октябрьской революции (Палладий /П.И. Кафаров/, В.Ф. Поярков, В. Цибузгин, А. Шмаков, А.П. Беннигсен), до Великой Отечественной войны (Б.А. Васильев, Е.Д. Поливанов, Ю.Я. Яншансин) и после организации Сектора дунгановедения АН Кыргызской ССР (Х.Ю. Юсуров, Ч. Чжоншонло, Б.Л. Рифтин, М.А. Хасанов, И.И. Юсупов). Качество материалов, собранных в каждом из этих этапов, естественно, не могло быть одинаковым, поскольку собиратели преследовали совершенно разные задачи.

В главе второй “Волшебные сказки в дунганском повествовательно-эстетическом фольклоре: (изучение)” освещены вопросы исследования сюжетов рассматриваемого сказочного эпоса. Сегодня в научной фольклористике дунганские волшебные сказки Центральной Азии не изучены в должной мере, хотя существует достаточное количество всевозможных зафиксированных, опубликованных, систематизированных текстов. Интересные научные разработки, опубликованные на страницах научных сборников, журналов и других периодических изданий, не достаточны для освещения содержания настоящего жанра фольклора.

Дунганские волшебные сказки Центральной Азии не стали полноценным объектом научного исследования по простой причине. Фольклористы вынуждены были ограничивать свои изыскательные деятельности главным образом из-за сбора, обработки и публикации материалов. На первом этапе фольклористической деятельности исследователи обязаны были привести в целостную систему сотни материалов из живой народной традиции. Авторы отдельных научных изысканий, представляющих серьезный интерес, не ставили задачи отразить внутренние свойства волшебных сказок. В данном случае они рассматривали дунганские волшебные сказки в связи с иными изыскательными проблемами.

2.1 В разделе “Коэффициент изученности собранных материалов” практически названы все труды в области изучения дунганской волшебной сказки. В нашей национальной фольклористике только отдельные научные труды освещают, рассматривают и анализируют собранные фольклорные тексты с волшебными сказками. Соответственно нами даны краткие характеристики этим немногочисленным исследованиям, которые проведены главным образом в Кыргызстане. К исследованиям в этой области относятся статья И.И. Юсупова и Б.Л. Рифтина “Дунганский фольклор”, диссертационное (кандидатское) изыскание М.А. Хасанова “Дунганские народные сказки”, комментарии-ссылки Б.Л. Рифтина к сюжетам “Дунганских сказок и преданий”, монографии и статьи И.С. Шисыра “Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии”, “Волшебные сказки хуэйцзу Центральной Азии, сюжеты о сношениях с духами”,

“Чжирчжисытан хуэйцзу миньцзянь чуанзоди тэбэй (Особенности фольклора хуэйцзу Кыргызстана), “Дүнген халық ауыз әдебиетіндегі аңыздар” и т.д.

В изучении дунганской волшебной сказки некоторые преимущества имеют фольклористы КНР. Современные фольклористы из Центров по изучению устного творчества хуэйцзу КНР в известной степени изучили содержания национальной волшебной сказки. Труды Ли Шуцзяня “Хуэйцзу миньцзянь гуши цзи” (“Сборник древних народных историй хуэйцзу”)¹, Цзу Гона “Цинхай хуэйцзу миньцзянь гуши” (“Древние народные истории хуэйцзу Цинхая”), Ли Шуцзяня “Хуэйцзу миньцзянь вэньсюэ шыгон” (“Обзор народной литературы хуэйцзу”), Ли Шуцзяня “Хуэйцзу вынцзүэ цзун йү хын” (“Наиболее полные описания литературы хуэйцзу”) и других фольклористов красноречиво подтверждают наши выводы. Соответственно хорошим подспорьем для дунганских фольклористов КНР стали наработки ученых в исследовании китайской волшебной сказки, труды которых широко известны в мировой фольклористике.

2.2 В разделе “Задачи изучения на современном этапе” обозначены основные мероприятия, связанные с исследованием текстов дунганской волшебной сказки. В настоящее время перед дунганскими фольклористами Центральной Азии стоят задачи научного исследования текстов этой своеобразной, самобытной и интересной национальной волшебной сказки, исходя из опытов ученых мировой, кыргызской, центрально-азиатской и китайской дунганской фольклористики. В сущности, мы располагаем по-прежнему только собранными богатыми материалами, которые нуждаются в серьезном изучении с применением передовой методики современной фольклористики. Соответственно только в этом случае мы можем говорить об успешной попытке в процессе сохранения важнейшей части национального духовного наследия.

В настоящее время дунганские волшебные сказки, как показывают существующие немногочисленные труды, остаются малоизученной областью современной фольклористики. По сути дела проведенные учеными анализы известных художественных текстов недостаточны для создания даже приблизительной картины общей природы сюжетов дунганской волшебной сказки. За пределами научного анализа остаются такие важные проблемы, как историко-эволюционное развитие волшебной сказки, региональное, семейно-языковое, континентальное историко-типологическое восприятие жанровых родов, отдельных жанров, самостоятельных сюжетов и мотивов, специфика отражения народного мировоззрения в историческом развитии, поэтика, эстетика, стилистика и т.д.

2.3 В разделе “Проблемы терминологии” нашего диссертационного исследования рассматривается вопрос происхождения названия самой

¹ Ли Шу Цзянь. Хуэйцзу минцзянь гуши цзи (Сборник народных сказок хуэйцзу). –Нинься: Жэньминь чубаньшэ, 1988. – 582 с. (кит. яз.).

сказки. По своей сущности известная проблема тесно связана с историей развития этноса. Дунгане в термин “гүжир” (“сказка”) вложили философское, эстетическое и фольклорное понимание в отражении реальной исторической действительности.

Этимология слова “гучжир” в современной фольклористике считается спорным вопросом. В первой части термина – “гү” – все исследователи однозначно находят значение “древний”, “прошедший”, “былой”. Нет спора в третьей части термина “Р”. Это суффикс, который призван всего лишь для того, чтобы придать слову ласкательный оттенок. В этом термине спор возникает из-за второй части слова – “чжи”. Слово “гучжир”, если мы согласимся с толкованием, который прозвучал несколько выше, следует понимать в буквальном смысле как нечто из “древнего и нынешнего” времени. В понятие “древнее” подразумеваются мотивы из мифологии, которые когда-то были трансформированы в “сказки”. В “нынешнее” же видят мотивы, которые рождены в историческое время. Отсюда слово “гучжир”, как предполагают исследователи, необходимо нужно воспринимать как “древнее и нынешнее события”.

К такому выводу пришли Б.Л. Рифтин и М.А. Хасанов в “Художественном мире дунганской сказки”: “*Гучжир* соответствует тому, что в нашей фольклористике называется собственно сказкой, это небольшие по объему произведения сказочного характера. Этимология слова *гучжир* не совсем ясна, известно, однако, что так называется сказка и в северо-западных диалектах Китая: и в Ганьсу [см. 121,101], и в Шэньси [52, 46]. Исследователи ганьсуйского диалекта китайского языка, на котором разговаривают в том числе половина хуэйцззу-дунгане, находят в этом слове *гү* – «древний» и *чжин* (пекинский диалект *цзинь*) – «современный», «нынешний» [121, 101; 107, 104]; так же записывает это слово и собиратель шэньсийских сказок У Ли-цин [52, 46]”².

2.4 В разделе “Вопросы классификации” поставлена проблема систематизирования текстов в изучаемой волшебной сказке. В дунганских волшебных сказках, зафиксированных в Центральной Азии, однозначно существуют специфические фундаментальные сюжетные типы. Они сформированы своеобразными реалиями исторического развития народа. В разграничении сюжетных, структурных, тематических разделов этого вида дунганского прозаического фольклора мы исходили из природы, специфики и эстетики самих существующих многочисленных материалов в живой народной традиции. Все зафиксированные, собранные, записанные нашими замечательными фольклористами оригинальные тексты послужили основополагающими аргументами в классификации жанров дунганской волшебной сказки Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана.

В результате в дунганском прозаическом фольклоре Центральной Азии мы обнаружили следующие сюжетные, тематические и структурные группы,

² Рифтин Б.Л., Хасанов М.А. Художественный мир дунганской сказки. – С. 12.

которые по своей сущности отличаются друг от друга отношением к действительности. Тщательный анализ функций зафиксированных нами материалов позволил выделить такие фундаментальные сюжетные типы: героические сказки о “змееборчестве”; героические сказки о “поиске счастья”; архаические сказки “дети у людоеда”; новелистические сказки о контактах с духами; романтические сказки о чудесных супругах; реальные сказки о семейно-гонимых; фантастические сказки о чудесных предметах.

В третьей главе “Волшебные сказки в дунганском повествовательно-эстетическом фольклоре (структура)” проанализированы композиционные устройства всех зафиксированных сюжетов. В исследовании текстов дунганской волшебной сказки мы использовали “метасхему” В.Я. Проппа. “Функции” известного ученого в качестве элементарных операционных единиц являются наиболее продуктивными методами в решении нашей задачи. Однако набор повествовательных атомов, состоящий из 31 функции, все-таки несколько сложен в обращении. На самом деле изучение текстов волшебной сказки в буквальном смысле по последовательным функциям несколько затруднительно. Не случайно многие фольклористы, заинтересованные повествовательными частицами В.Я. Проппа, предпринимали попытки несколько сократить набор за счет “спаривания функций”, тем более сам ученый указывал на такую возможность.

В нашем случае мы объединили все функции действующих героев на так называемые позитивные элементарные фазовые круги. В конечном результате анализа сюжетов дунганской волшебной сказки по основным функциям в действиях героев позволили образовать следующие элементарные последовательные круги: завязка, развития действия, кульминация, дополнительные развития действия и развязка. Соответственно последовательные круги содержат внутри уже известные функции. В завязке – *отлучка, запрет, нарушение, выведывание, выдача, подвох, пособничество, вредительство, недостача*. В развитии действия – *посредничество, соединительный момент, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя, реакция героя, получение волшебного средства*.

В кульминации – *пространственное перемещение, борьба, отметка, победа, ликвидация недостачи*. В дополнительном развитии действия – *возвращение, преследование, спасение, неузнанное прибытие, необоснованное притязание*. В развязке – *трудная задача, решение, узнавание, трансфигурация, наказание, свадьба*.

Соответственно сами названия фазовых кругов имеют чистое символическое значение. В нашем случае они нужны потому, что достаточно удобны для описания содержания сюжетов волшебной сказки. Мы ограничили сменяющие друг друга действия героев собирательными для любого художественного произведения сходными последовательными фазами развития. Это дает возможность рассматривать волшебную сказку без постоянного повторения многочисленных действий героев. В противном

случае обычный анализ легкого развлекательного сказочного сюжета в одночасье превратится в настоящее фольклористическое уравнение со сложными действиями.

С выявлением самих функций в действиях героев автоматически появляется вопрос по определению фундаментальных однотипных сюжетов. На самом деле с определением функций в действиях героев важно подчеркнуть все однотипные по характеру сюжеты. На этом основании может быть создана квалификационная таблица типов, построенная не на сюжетных принципах, а на точных структурных признаках. В конечном результате это позволило рассматривать дунганские народные волшебные сказки по возникшим естественным образом фундаментальным сюжетным типам: “героическим сказкам о змееборчестве”, “героическим сказкам о чудесных супругах”, “сказкам о контактах с духами”, “героическим сказкам о “поиске счастья”, “сказкам о семейно-гонимых”.

В последующих подразделах нашей диссертации рассмотрены **зафиксированные** тексты по оговоренным выше фазам (“завязке”, “развитии сюжета”, “кульминации”, “дополнительном развитии сюжета” и “развязке”) функций действующих персонажей. В конечном результате такой способ изучения способствовал тому, что мы смогли исходя из внутренней особенности фундаментального типа дать строгое описание самих выявленных сюжетов фундаментальных типов.

3.1 В разделе “Героических сказках о змееборчестве” в определенной степени отсутствуют сказочные неопределенности в пространстве и времени. Такой необычный сказочный прием служит для того, чтобы показать реальность совершаемого действия. Отсюда наши “волшебные” сказочные действия никогда не начинаются со словами: “В некотором царстве...”. Зафиксированные нами тексты обычно совершенно прагматически вступают в действия со словами “В одном уезде..” (“В одно городе...”, “В одной деревне...”) жил (жили) во времена великих императоров...” и т.д.

В нашем случае все действия волшебных сказочных героев обычно локализуются во времени и пространстве. По этой причине здесь практически не наблюдается характерное для волшебной сказки передвижение по существующим противоположенным мирам (бытовом / родном селе, городе, уезде) и фантастическом /подводном, потустороннем, небесном царствах). Соответственно герои не выезжают в далекое мифическое государство (не пересекают дремучий лес, не переплывают море, не преодолевают небесные горы, не опускаются глубоко под землю) для совершения необходимого для сказочного действия подвига. Герои совершают смелые поступки в местах не далеких от родного дома.

В дунганской волшебной сказке герои решают важные задачи в вполне известном пространстве за совершенно естественное количество времени. В известном случае сказочнику обычно под силу определить время, потраченное героем на дорогу от родного края до места совершения подвига. Все дело в том, что сказки целого ряда дальневосточных народов

(китайцев, японцев, корейцев и других), тяготеющих к информационно-мнемоническим жанрам (преданиям, легендам, побывальщинам), иногда достаточно точно обозначают место и время действия. Не случайно волшебные сказки выше упомянутых народов часто начинаются следующим образом: при такой-то династии, во время правления такого-то государя, в такой-то местности и т.д. произошла такая вот история”.

Дунгане Центральной Азии в недалеком историческом прошлом жили именно в этом географическом, экономическом и социальном регионе. В дунганскую волшебную сказку соответственно известные сказочные особенности попали вследствие долгого развития этого народа на протяжении длительного времени в дальневосточном фольклорном фонде. Отсюда мы не наблюдаем здесь ярких действий героев, характерных особенно для волшебной сказки змееборческого типа народов (кыргызов, узбеков, казахов, таджиков и др.) Центральной Азии.

Не случайно мы в процессе подготовки материалов к анализу зафиксировали только шесть текстов с героическими сказками змееборческого типа в дунганском фольклоре. Такое скромное наличие чрезвычайно популярного сюжетного жанра в дунганской волшебной сказке можно объяснить разве только особой “приземленностью” характера сказочного эпоса дальневосточных народов. Естественно, этот региональный факт никоим образом не способствовал особому развитию героических сказок змееборческого типа.

3.2 В дунганском прозаическом фольклоре Центральной Азии **“героические сказки о “поиске счастья”** пользуются особой популярностью в широкой народной среде. В этом подразряде мы зафиксировали четырнадцать текстов из этого популярного фундаментального сюжетного типа. Все наши сюжеты связаны с популярными в сказочном эпосе поисками счастья, добра, здоровья, любви и т.д. Соответственно сюжеты с общим идейным стержнем обладают схожей структурной особенностью. Не случайно мы часто обнаруживаем множество сходных вариантов в текстах волшебного сказочного эпоса самых различных народов.

Для наших сюжетов не сложно найти сходные мотивы из международных сказочных указателей А. Аарне, Ст. Томпсона, Н.П. Андреева, Л.Г. Барага, Г.Дж. Утера, Б. Кербелите и др. Например, функциональные единицы в сказках Хасанова А. и Юупова И. “Золотая рыбка”, “Золотая птица”, “Семеро и один пес” вполне идентифицируются соответственно с сюжетными схемами текстов А. Аарне- С. Томпсона из *The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography* Antti Aarne's *Verzeichnis der Märchentypen. Translated and Enlarged by St. Thompson* (FF Communications № 184). – Helsinki, 1964. – 588 p. под номерами 303 (“Близнецы или сводные братья”), 550 (“Поиски золотой птицы”), 460 А (“Путешествие к богу для получения вознаграждения”). А функции в сказке Корякина В. “Три вопроса” близки к мотивационным ходам, во-первых, сюжета А. Аарне- С. Томпсона из выше указанной таблицы сказочных

сюжетов под номером 460 В (“Путешествие в поисках удачи”), во-вторых, текста В. Эберхарда из Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen (FF Communications № 120). – Helsinki, 1937 под 125 (“Вопросы к небу”), в-третьих, истории Х. Икеда из Ikeda Hiroko A Type and Motif Index of Japanese Folk-Literature (FF Communications № 209). – Helsinki, 1971. 460 В (“Путешествие в поисках удачи”) и т.д.

Для всех зафиксированных сюжетов типа “поиск счастья” дунганской волшебной сказки характерны близкие по строению модели функций действующих персонажей. Однако близости самого структурного строения из-за общей тематики ещё не означает абсолютной повторяемости сюжетных ходов во всех текстах. В каждой зафиксированной сказке известные повествовательные ходы всегда моделируются в зависимости от внутреннего состояния фольклорного материала. Соответственно при всей схожести формы структурного построения, модели функций действующих персонажей, близости психологического поведения и т.д. героические сказки о “поиске счастья, богатства, здоровья, любви т.д.” обладают самостоятельными эстетическими особенностями.

3.3 “Сказки о контактах с духами” относится к особому фундаментальному сюжетному типу. Волшебные сюжеты о контактах человека с сущностной субстанцией в дунганском фольклоре непосредственно связаны с сюжетными разработками популярной дальневосточной традиционной темы. Однако в эстетике дунган однозначно сказывается мусульманское религиозное представление, которое рассматривает известные случаи в совершенно в ином философском понимании. Все истории о похождениях всевозможных “злых духов” соответственно становятся назидательными фантастическими сказками о нарушении людьми, вступившими в контакт с нечистыми силами, шариатской сущностной заповеди о миропорядке. В результате всего в реальной действительности как раз и воцаряются такие ужасные события.

“Чжин” в дунганской народной философии связан с “оборотенем”. В сказочном эпосе можно встретить словосочетание “чжинчи” (“чи” – “дух”) в значении “злой дух”. Дунгане Центральной Азии в понятие “чжин” вкладывают в значительной степени содержания “джинн” (جن), в меньшей степени – “цжин” (狐狸精), которые соответственно являются арабским и китайским эквивалентами о “духах”. В принципе можно гипотетически предположить, что все эти названия в целом все же исходят от латинского слова “genius”, которое буквально переводится как “дух”.

В дунганских фольклорных сюжетах о контакте человека с духами чжины однозначно считаются отрицательными персонажами, так как они при первом удобном случае провоцируют субъект на неправомерные деяния. Народная литература изобилует рассказами о всяких любовных историях, несметных сокровищах, тайных знаниях и множественных попытках чжинов искушить правоверных аскетов. Дунгане свято верят, что чжины способны

принимать образ любых (не)воодушевленных субъектов для испытания человеческого духа.

В народе известны многочисленные методы борьбы с такими нечистями на земле. Все хорошо знают, что чжины боятся дневного света, поэтому они только ночью появляются на улицах. В это время суток человеку нельзя садиться на ступеньки к дому, а заходя в помещение, он обязательно должен произнести молитву. Дунгане для надежной защиты дома на входной двери часто вывешивают шторы из красной материи. Старики предостерегают, что с наступлением вечера не следует свистеть, подметать пол, а также играть на свирели, дабы не злить чжиннов.

Дунганские народные произведения о контакте человека со всевозможными духами близки по художественному свойству к быличкам. Однако с седой древности они приобрели эстетические элементы волшебной сказки. Сегодня в самой живой народной традиции такие сюжеты именуются не иначе как “сказки”. В свое время составители сборника “Дунганские сказки и предания” М.А. Хасанов и И.И. Юсупов включили популярные сочинения также в содержание волшебной сказки.

3.5 “Сказки о чудесных женах” в волшебной сказке связаны с древним архаическим пластом общечеловеческого фольклора. По своей сущности они выросли на материале мифов-быличек о чудесном браке еще “безымянного человека” с тотемным животным. В известных произведениях герой считается незащищенным, слабым и зависимым от анимистического представления субъектом окружающей природы. В этом случае могучее тотемное животное, принявшее благосклонно человеческий облик, дарит своему избраннику покровительство, пищу, силу, удачу, знание и т.д.

В фонде фольклорного содержания каждого отдельного региона наблюдается свой совокупный комплект чудесных субъектов волшебного брака. Территориальные особенности оригинального набора чудесных образов вызваны мифологическим наследием локальной окружающей действительности с местным развитием тотемического верования. На каждой обособленной территории существовал самостоятельный круг животных, из которых со временем вырастал своеобразный чудесный образ для волшебного брака.

Однако наши предки в ходе исторического развития, несмотря на локальные территориальные отличия, все-таки же оставили достаточно общепризнанных чудесных животных для заключения волшебного брака. В постоянном процессе встречного сказочного движения многие образы волшебных субъектов чудесного брака из сюжетов разных народов со временем стали общим художественным достоянием. Сегодня в сказочном эпосе целого ряда народов волшебными субъектами для заключения брачного союза главным образом выступают тигр, медведь, пантера, волк, заяц, черепаха, лягушка, улитка, пчела и другие животные. В примитивном сознании членов первобытного общества все тотемы, несмотря даже на

невзрачного внешнего вида, однозначно обладали могущественными чудесными силами.

В сказочном сюжетном типе о чудесных женах с расширением человеческого знания об окружающей действительности происходят естественные изменения. В нем вчерашние архаические черты из древних обычаев отныне переосмысливаются в духе эстетики сказочного эпоса. Волшебные спутники сверхъестественного брака постепенно распадаются на два типа. К “возвышенному” виду попадают дракон, феникс, медведь, тигр, волк, лебедь, а к “низкому” – осел, шакал, свинья, лягушка, улитка и т.д. и т.п. Такое размежевание в институте волшебного брака связано с постепенным формированием фольклорного принципа эстетики “низкого” героя, который со временем станет самым важным принципом всей волшебной сказки. Поэтому революционному сказочному эстетическому принципу отныне обездоленные герои-жертвы заключают фантастические брачные союзы с могущественными драконами, тиграми, медведями и т.д.

В дунганской волшебной сказке Центральной Азии нами замечены такие тексты о чудесных женах, как “Два Ливона” [Юсуров Х], “Паршивый” [Хасанов М., Юсупов И.], Чжон Юй кипятит море [Хасанов М., Юсупов И.], “Чжон Дачже бьет фазанов” [Хасанов М., Юсупов И.], Хуаршонди жин йүр (Волшебная рыбка с картины) [Карякин В.], Эрйүэ эр лун тэ ту (Во второй день второго месяца дракон поднимает голову) [Шисыр И.]. Естественно, в сказочном фольклоре дунганского народа Центральной Азии есть также некоторые другие сюжеты, однако состояния последних не позволяют рассматривать их в качестве полноценных материалов.

Соответственно тщательные проверки все-таки могут позволить обнаружить пока еще незамеченные сказочные тексты о волшебном браке с чудесными животными. На самом деле подобные мотивы есть в текстах многих фундаментальных сюжетных типов (“Лосань”, “Белый заяц”, “Девушка-змея”, “Красная тыква-горлянка” и т.д.). Однако такие мотивы в известных сказках все-таки не выступают в качестве определяющей кардинальной единицы анализа, а лишь дополняют в качестве лирического отступления главных сюжетных действий.

3.6 “Сказки о семейно-гонимых” персонажах располагают эстетическим свойством, которое исходит главным образом из самого названия этого фундаментального сюжетного типа. В действительности изображенные в подобном виде сказочного эпоса маленькие семейные истории на самом деле отражают общечеловеческие трагедии. Несправедливо изгнанные из дома мачехой, старшим братом, старшей сестрой и др. герои-жертвы являются настоящими обездоленными членами человеческого общества. Соответственно сказка в своем эстетическом сочувствии вознесла маленьких героев в сонм прекрасных человеческих образов.

Волшебная сказка с семейно-гонимыми героями в целом сделала существенный шаг для демократизации изображения окружающей

действительности. На самом деле в туманном сознании первобытного человека на смену духа, бессмертного, шамана (в легендарных преданиях) и безымянного “некоего человека” (в быличках) появляется обездоленный герой реального человеческого общества. Отныне первобытный наивный фольклор начинает переключаться к отражению взаимоотношения между членами человеческого общества.

Образы семейно-гонимых героев (сиротки, падчерицы, сводные братья, младшие братья, младшие сестры) в волшебной сказке обладают глубоким социальным содержанием. Они по своему характеру считаются родственными образами, так как выражают народную идеализацию обездоленного, однако рождены в самые различных социально-исторических ситуациях. Формирование этих значительных образов волшебной сказки в пучине первобытного фольклора действительно определено важными изменениями в социальном обществе. В социальном обществе после разложения матриархального строя формируется образ “сиротки”, завершения борьбы майората с миноратом – образ “младшего брата”, а выдавливания родовых связей семейными – образ “падчерицы” и т.д. Фольклор как своеобразное зеркало исторического развития уже отразил этот новый тип человеческого общества с естественным добавлением эстетической окраски. На самом деле каждая эпоха всегда выдвигает свои характерные социальные типы. Сказка же наделяет характерных социальных типов естественными эстетическими идеалами.

В волшебной сказке дунган Центральной Азии тексты о семейно-гонимых героях относятся к самому богатому фундаментальному сюжетному типу. Об этом бесспорном факте красноречиво свидетельствуют существующие многочисленные материалы из живой народной традиции. В процессе фиксации материалов мы обнаружили двадцать шесть реализованных до конца сюжетов. В кругу дунганского сказочного эпоса о семейно-гонимых можно обнаружить некоторые мотивы, образы, стилистические фигуры и т.д. из фольклорной поэтики народов Дальнего Востока, Ближнего Востока и Центральной Азии.

В процессе подготовки зафиксированных материалов к анализу мы обнаруживали следующие сюжеты о семейно-гонимых: во-первых, о сиротке (“Чжиньхуа – золотой цветок” [Хасанов М., Юсупов И.], “Мачеха” [Хасанов М., Юсупов И.], “Белый заяц” [Корякин В.], “Мыйхуар” [Хиймамов Г.]), во-вторых, о сироте (“Чжон Тянью” [Хасанов М., Юсупов И.], “Нюду встречает Быйгу” [Корякин В.]), в-третьих, о младшем брате “Два брата” [Хасанов М., Юсупов И.], “Лосань” [Хасанов М., Юсупов И.], “Добрый и злой” [Хасанов М., Юсупов И.], “Слепой Юсур” [Корякин В.], “Добродетельный Хэкэ” [Корякин В.], (“Золотой жеребенок” [С.М.Я.], в-четвертых, о младшей сестре “Шалагур”) [Юсупов Х.], (“Семеро сестер” [Машинхаева Ф.], “Брат Щилагуэ” [Машинхаева Ф.] и т.д.

Естественно, следовало бы в этом подразделе рассматривать тексты о семейно-гонимых героях отдельно: о сиротке, о сироте, о младшем брате, о

младшей сестре. Все герои, как сказано в предыдущем абзаце, все же рождены в различные эпохи человеческой истории. Соответственно при всей фундаментальной сходимости известные подтипы рассматриваемого подраздела обладают несколько своеобразными линейными повествовательными синтагмами. Правда, локальные рамки задачи настоящего исследования все-таки вынуждают нас предельно кратко охарактеризовать каждый отдельный фундаментальный сюжетный тип. По этой причине мы вынуждены объединить сюжеты о типичных жертвах самых различных эпох в один общий подраздел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1) Дунганские волшебные сказки Центральной Азии по своей сущности считаются частью прозаического фольклора всех хуэйцзу-дунган, живущих в настоящее время в КНР, Индонезии, Малайзии, Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане и некоторых других странах. Своеобразное национальное эстетическое отношение к действительности как общая внутренняя целостность народа всегда считается неизменной величиной на протяжении долгого исторического времени. На самом деле этот духовный знаменатель народа в сложный момент обязательно выступит преобладающим фактором, если вопрос станет о постоянной национальной идентичности.
- 2) В составе общего фольклора всех хуэйцзу дунганские волшебные сказки Центральной Азии сложены в результате совмещения культурных наследий целого ряда народов Ближнего Востока, Дальнего Востока и Центральной Азии. Арабы, персы, турки, китайцы, сыгравшие определенную консолидирующую роль в процессе формирования этнического самосознания хуэйцзу, передали новому народу часть своей культуры. Не случайно исследователи обращают внимание, что в дунганском сказочном эпосе можно легко обнаружить эстетические особенности арабских, персидских, тюркских, китайских мотивов. Именно этот факт делает мир сюжетов дунганской волшебной сказки во всех отношениях своеобразной, причудливой и уникальной фантастической планетой.
- 3) В историографии, содержании и структуре дунганской волшебной сказки Центральной Азии есть много схожего с фольклорными своеобразиями народов Северо-Западного Китая (уйгуров, казахов, кыргызов, саларов, дунсяней, сары-уйгуров, монголов, дауров). Они однозначно обусловлены естественным сходством исторической, социально-экономической и культурной жизни в одном географическом пространстве в течение многих веков. Это позволяет говорить о дунганских волшебных сказках Центральной Азии как о части фольклорного фонда известного региона, которая при наличии местных важнейших черт получила в том числе свое специфическое национальное оформление.

4) Все сюжетные материалы, которые перенесли дунгане в Центральную Азию, претерпели некоторые естественные изменения. Новая социальная среда оказала заметное влияние на дальнейшее развитие дунганского сказочного эпоса. Атмосфера постоянного культурного обмена с близкими по религиозной вере кыргызами, казахами, узбеками, таджиками, татарами и другими народами внесла свои эстетические корректировки. Произошли небольшие изменения в сюжетном репертуаре, трактовке некоторых отдельных образов, использовании художественных, изобразительных и выразительных средств и т.д. Как правило, новое в каждом таком сочинении обязательно переплетается со старым в единое сказочное, эстетическое, художественное целое. В результате создается нечто несколько отличное по восприятию, звучанию и пониманию в рамках национальной единой художественной системы.

5) Отныне мы уже имеем дело с художественной системой локальной этнической группы хуэйцзу из Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана. Однако они все же однозначно сохранили в процессе духовного развития народа в неизменном виде основные общенациональные художественные достоинства. Соответственно мы можем считать дунганские волшебные сказки Центральной Азии отдельной ветвью от единого общего ствола устного народного творчества всех хуэйцзу, которая как частное в общем позволяет глубже понять национальную культуру.

6) В изучении дунганской волшебной сказки Центральной Азии для нас практическими материалами послужили собранные российскими, советскими и центрально-азиатскими фольклористами тексты. Мы использовали значительное количество сюжетов, собранных Х.Ю. Юсуровым, М.А. Хасановым, И.И. Юсуповым, Ч. Чжоншонло, Б.Л. Рифтиным и другими собирателями. В противном случае мы не сумели бы представить полноценную, естественную и правильную картину огромной части национальной духовной культуры. При отборе материалов для анализа мы учитывали в основном тексты с развернутыми до конца сюжетными линиями.

7) В процессе анализа зафиксированных сюжетов дунганской волшебной сказки Центральной Азии мы заимствовали некоторые схемы из известных международных методических разработок Н.П. Андреева, Ст. Томпсона, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, К. Леви-Строса, А. Греймаса, А. Дандиса, Л.Г. Барага, Г.-Й. Утера, Б. Кербелите и других фольклористов. В качестве единицы кардинального анализа зафиксированных сюжетов нами взяты основные действия героев. Сегодня такой способ анализа сюжетов в изучении текстов волшебной сказки считается достаточно эффективным, устойчивым и наглядным в науке.

8) В зафиксированных текстах дунганской волшебной сказки Центральной Азии, состоящих из национальных “повествовательных атомов” в виде функций, мотивемов, синтагмов и т.д., нами обнаружены фундаментальные сюжетные модели. Они выглядят самостоятельными структурными схемами:

героические сказки о “змееборчестве”; героические сказки о “поиске счастья”; архаические сказки “дети у людоеда”; сказки о связях с духами; сказки о чудесных девах; сказки о семейно-гонимых и т.д.

9) Изучение волшебных сказок дунган Центральной Азии как части общего национального фольклорного наследия имеет научное значение. Данные нашего исследования послужат общей фольклористике всех хуэйцзу КНР, Индонезии, Малайзии, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Узбекистан и некоторых других стран. Наши результаты будут способствовать выявлению специфики локальных фольклорных вариаций каждой отдельной этнической группы. Определение общего и частного в фольклоре всех хуэйцзу поможет глубже понять в целом национальную культуру.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. **Исмаева, Р.** Бытование дунганской волшебной сказки в народной среде [Текст] / Исмаева Р.М.// Вестник КГУ им.Арабаева. – Бишкек, 2014. – № 4. – С. 121-124.

2. **Исмаева, Р.** Из истории изучения текстов дунганской волшебной сказки Центральной Азии [Текст] / Исмаева Р.М // Воронежское востоковедение (сборник статей), Воронеж, 2016. –№ 1. – С.131-139.

– Режим доступа:

http://ir.vsu.ru/periodicals/pdf/voronezh_vostok/acta_orientalia_2016.pdf

3. **Исмаева, Р.** Волшебные сказки в дунганском повествовательно-эстетическом фольклоре [Текст] / Исмаева Р.М.// Вестник Института философии и политико-правовых исследований НАН КР. – Бишкек, 2015. – №4.– С.160-167. – Режим доступа://
[http://cslnaskr.jet.kg/collections/uploads/Вестник. %202015.%20№4.pdf](http://cslnaskr.jet.kg/collections/uploads/Вестник.%202015.%20№4.pdf)

4. **Исмаева, Р.** Дунганские героические сказки змееборческого типа (в аспекте связи со структурным изучением) [Текст] / Исмаева Р.М.// Вестник БГУ – Бишкек, 2015. – №2 (32). – С. 141-144. – Режим доступа: // <https://drive.google.com/file/d/0B8MxHGHeYDWqQzMzZUtSQmp5UIRWb0o5UG92TTJmSlM3SjdV/view>

5. **Исмаева, Р.** Дунганские волшебные сказки о контактах человека с сущностной субстанцией [Текст] / Исмаева Р.М// Известия НАН КР. – Бишкек, 2015. – С.146-154

6. **Исмаева, Р.** Дунганские волшебные сказки (в связи с изучением на современном этапе) [Текст] / Исмаева Р.М// В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии /Сб. ст. по материалам LIX междунар. науч.- практ. конф. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. – №4(59). – С. 83-88. – Режим доступа // <https://sibac.info/conf/philolog/lix/50710>

7. **Исмаева, Р.** История фиксации, систематизации и публикации текстов дунганской волшебной сказки [Текст] / Исмаева Р.М// В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии /Сб. ст. по материалам LVIII междунар. науч.- практ. конф. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. – № 3(58). – С. 147-153.– Режим доступа // <https://sibac.info/conf/philolog/lviii/48601>

8. **Исмаева, Р.** «К вопросу генезиса, формирования и развития дунганской волшебной сказки» [Текст] / Исмаева Р.М. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук (журнал научных публикаций) – Москва, 2016. – №8 (ч.II) – С. 23-28. – Режим доступа // <http://publikacia.net/archive/2016/8/2/7>

9. **Исмаева, Р.** «Дунганские волшебные сказки: проблемы терминологии» [Текст] / Исмаева Р.М// Вестник науки и образования (научно-методический журнал). – Москва, 2016. – № 8 (20). – С.66–69. – Режим доступа // <http://scienceproblems.ru/scientific-articles/o-nauchnyh-zhurnalah/arxiv-zhurnala.html>

РЕЗЮМЕ

диссертации Исмаевой Рахимы Мухамеевны “Дунганские волшебные сказки (в аспекте связи с историографией, изучением и структурой)” на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности: 10.01. 09 – фольклористика.

Ключевые слова: фольклор, прозаический фольклор, волшебные сказки, дунгане, Центральная Азия, генезис, история, формирование, бытование, сохранение, сбор, систематизация, публикация, фиксация, научное изучение, структура, сюжет, текст.

Объект исследования: дунганская волшебная сказка Центральной Азии.

Предмет исследования: историография, содержание и структура дунганской волшебной сказки Центральной Азии.

Цель исследования: изучение сюжетов дунганской волшебной сказки Центральной Азии с точки зрения современной передовой методологии. Главным образом предполагается конкретизировать историю, содержание и структуру этого замечательного вида прозаического фольклора как исторически сложившуюся художественную систему, в которой все произведения находятся в сложном взаимодействии, взаимовлиянии и взаимообогащении.

Методология научного исследования: обусловлена самой логикой анализа поставленных проблем. В процессе изучения использована методика

комплексно-системного, сопоставительно-типологического и сравнительно-исторического подходов в изучении собранных материалов. Соответственно учтены полезные труды многих фольклористов: дальних зарубежных, ближних зарубежных и центрально-азиатских.

Научная новизна результатов: диссертантом выявлены исторические, содержательные, структурные, тематические, сюжетные доминанты изучаемого жанра национального фольклора. Анализ дунганских волшебных сказок с учетом опытов ведущих специалистов мировой фольклористики изучения многих актуальных проблем национальной фольклористики.

Теоретическая и практическая значимость: дунганские волшебные сказки, благодаря своему развитию в XIX-XX-XXI веках на территории Центральной Азии, считаются также составной частью сказочного фонда народов настоящего региона. Соответственно их изучение имеет значение для общего развития фольклорного фонда народов Центральной Азии. Все полученные научные данные будут способствовать составлению общих представлений о региональном фольклоре, восполнении не хватающих звеньев в создании фольклорных атласа, энциклопедии и учебников по общей культуре народов Центральной Азии.

Исмаева Рахима Мухамеевнаын “Дунган элинин кереметтүү жөө жомоктору (тарыхнаама, структуралык жана изилдөө өнүтүндө)” деген филология илимдеринин кандидаты илимий даражасын изденип алуу үчүн 10.01.09 – фольклористика адистиги боюнча жазылган диссертациясынын

РЕЗЮМЕСИ

Негизги сөздөр: фольклор, кара сөз, жөө жомок, кереметтүү жомоктор, дунгандар, Борбордук Азия, генезис, тарых, калыптануу, эл арасында жөө жомоктун жашоосу, сактоо, жыйноо, системалоо, жарыялоо, каттоо, илимий изилдөө, структура, сюжет, текст.

Изилдөө объектиси: Борбордук Азиядагы дунган элинин кереметтүү жөө жомоктору.

Изилдөөнүн предмети: Борбордук Азиягы дунган элинин дунган кереметтүү жөө жомокторунун тарыхнаамасы, мазмуну жана структурасы.

Изилдөөнүн максаты: Борбордук Азиягы дунган элинин кереметтүү жөө жомокторунун сюжетин заманбап усул-ыкмалардын, алдыңкы методологиянын өнүтүндө изилдеп чыгуу. Көркөм система катары тарыхый маңызда калыптанган прозалык фольклордун мыкты түрү болгон жөө жомокто бардык чыгармалар өз ара алака-катыштын, өз ара таасирленүүнүн, бири бири байытуунун татаал алакасында тургандыктан, алардын мазмунун

жана түзүлүшүн (структурасын), тарыхын конкреттештирүү максатын көздөдүк.

Илимий изилдөөнүн методологиясы алдыга койгон маселенин жүйөсүнөн келип чыгат. Изилдөөнүн жүрүшүндө жыйналган материалдарды иликтеп үйрөнүүдө комплекстүү-системалуу, салыштырма-типологиялык жана салыштырма-тарыхый ыкмалар колдонулду. Маселенин багытына ылайык алыскы жана жакынкы чет өлкөлүк жана Борбор Азиялык фольклор таануучулардын баалуу эмгектерин эске алдык.

Алынган натыйжалардын илимий жаңычылдыгы: диссертант тарабынан улуттук фольклордун изилденип жаткан жанрынын мазмундук, структуралык, тематикалык, сюжеттик доминанты аныкталды. Дүйнөлүк фольклористиканын алдыңкы адистеринин тажрыйбаларын эске алуу менен дунган жөө жомокторун талдоо – улуттук фольклор илиминин көп актуалдуу маселелерин изилдөөгө из салат.

Теориялык жана практикалык мааниси: дунган калкынын кереметтүү жөө жомоктору XIX-XX-XXI кылымдарда Борбордук Азия аймагында өрбүп-өнүккөндүктөн, ушул аймактагы калктардын жомоктор казынасынын курамдуу бөлүгү болуп саналат. Андыктан аларды изилдеп-үйрөнүү – Борбордук Азиядагы калктардын фольклордук казынасынын өнүгүшүнө кошкон салым. Изилдөөдө алынган илимий натыйжалар аймактык фольклор жөнүндөгү жалпы маалымат жыйноого, фольклор атласын түзүүдө кемчил чынжырчаларын толуктоого, ошондой эле Борбордук Азия калктарынын жалпы маданияты боюнча энциклопедияларды, окуу куралдарын жазууга көмөктөшөт деген ойдобуз.

SUMMARY OF

Thesis of Ismaeva R.M.-“Dungan fairy tales (in terms of the context of historiography, the study and structure)” on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences, specialty: 10.01. 09 folklore.

Key words: folklore, prose folklore, fairy tales, Dungan, Central Asia, the Genesis, history, formation, existence, preservation, collection, classification, publication, fixation, the scientific study of the structure, plot, text.

Object of study: Dungan fairy tale of Central Asia.

The subject of the research: historiography, the content and structure of fairy tales Dungsans of Central Asia.

The purpose of the study: the study of Dungan stories fairy tales of Central Asia from the point of view of modern advanced methodology. Mainly expected to elaborate on the history, content and structure of this remarkable species prosaic folklore as a historically established art system in which all the works are in complex interaction, mutual influence and mutual enrichment.

The methodology of scientific research: due to the very logic of analysis of the issues raised. In the process of studying the methodology of complex system, comparative-typological and comparative-historical approaches to the study of the collected materials. Accordingly considered useful works of many folklorists: the far abroad near abroad and Central Asia.

Scientific novelty of the results: the author identified historical, substantive, structural, thematic, narrative study of the dominant genre of national folklore. Analysis Dungan fairy tales, taking account of the experiences of leading specialists of world folklore studying many relevant problems of the national folklore.

Theoretical and practical significance: the Dungan of a fairy tale, due to its development in the XIX-XX-XXI centuries on the territory of Central Asia, are also an integral part of the fairy tale of the Foundation of the peoples of this region. Accordingly, their study has implications for the overall development of the folklore Foundation of the peoples of Central Asia. All the obtained scientific data will help in generating ideas about regional folklore, filling missing links in the creation of the folklore Atlas, encyclopedias, and textbooks on the General culture of the peoples of Central Asia.